

ТАНЕЦ ЖИВОЙ БОГИНИ

ЕСЛИ БЫ Непал не был горным королевством, оправленным в жемчуг снежных гималайских вершин, местным журналистам давно было бы пора подумать о смене профессии. Но горы негнет да низвергнут в долину Катманду очередную сенсацию.

«Свидание на леднике». «Снежный человек «бети» дружелюбно познакомился с альпинистом, но у того не оказалось под рукой фотоаппарата...».

«Лыжня на Эвересте. Бесстрашный японский лыжник преодолел три километра по склону величайшего пика мира. Из них два километра пятьсот метров без лыж, на парашюте...».

А вот еще одно экстренное телеграфное сообщение, появившееся в дни, когда я был в Катманду. Мисс Сецуко Ватанабе из японского клуба альпинистов поднялась по тропам того же Эвереста выше, чем любая другая женщина планеты. Рекорд так взволновал Сецуку, что она принесла жертву горной богине. Оставила ей под камнем свой совсем еще новый косметический набор. Жаль, что Сецуко не уточнила, какой именно богине преподносится подарок, потому что богинь в Непале множество. Самая юная из них — и самая знаменитая! — четырехлестняя богиня Кумари...

Встреча с живой богиней — пункт № 1 в длинном списке непальской экзотики. Древние религиозные обряды периодически возводят простую девочку из касты ювелиров в божественный «сан Кумари».

Мне не удалось поговорить с Кумари, хотя известно, что кое-кого она жалует лаконичной беседой. Видение лишь на секунду мелькнуло в видоискателе фотоаппарата: две перекладины резного окна и занавес — печальная, бледная девочка с подведенными глазами. «Земной» двойник богини — танцовщица Нарайн Деви, исполняющая роль Кумари в первом спектакле непальского национального балета.

Этот спектакль рождается здесь, в Катманду, в пыльных дощатых лонгках, над которыми навис сидят еще спеленутые лесами огромного здания. Строится новый комплекс Королевской академии искусств Непала. Кирпичи стен укладываются буквально под аккомпанемент

мелодий, доносящихся из ренетичионных компат-временок. Недавно созданная балетная труппа спешит выпустить спектакль в июле, к торжествам открытия новой резиденции непальских муз.

Биджай Бахадур Малла шагает вместе со мной по извилистой тропинке, пробитой сквозь горы гравия, в обход странных конструций. Сейчас, после многочасовой беседы с ним, мне кажется, что вот так же спокойно и решительно он шел к цели по непрямым тропам своей биографии.

В сороковые годы Биджай Малла — ныне академик, крупнейший поэт — был лишен возможности изучать жизнь своего народа. Его бросили в тюрьму по указанию бывших властителей Непала — династии Рана. Расхищавшие национальные богатства страны, феодалы Рана расправлялись так с каждым патриотом, в чьих высказываниях им чудилась угроза грядущего переворота.

Но в тюремную камеру Биджай Малла смог сделать «рабочим» кабинетом. Он добился права получать литературу; на столе росла кипа рукописей с новыми стихами. Сюда, на цеструганные доски стола, в 1947 году легла по недосмотру цензуры книжка в липсовом переплете. Ленин. «Имперализм, как высшая стадия капитализма».

С книги Ленина началось приобщение Малла к миру демократических идей, а также к миру русской культуры.

В нашем доме симпатии ко всему русскому были традицией семейного очага, — говорит мне Малла. — Вам, вероятно, будет интересно узнать, что мой отец первым перевел на непальский язык фрагменты из романа «Война и мир». А брат — Говинда Бахадур Малла, известный под псевдонимом Готхали, — написал роман «Разорванный занавес», во многом навеянный мотивами тургеневского «Дворянского гнезда». Это тоже хроника распала одной семьи на широком фоне экономического кризиса, подточившего феодальную империю Рана...

В 1968 году Биджай Малла побывал в Советском Союзе. В Ленинграде Малла долго всматривался в величественную громаду Зимнего дворца.

Камни замерзли в немоте молчания, Но — слушайте! — они дышат, грохочут в марше.

Поют живым о жизни. Передо мной — ленинградская площадь. Взгляните,

кто идет от дворцовой колонны, к нам приближаясь? Гигант, чьи плечи касаются небосвода.

Чей голос — призыв, пробуждающий мир. Сокрушая угнетение и неравенство,

в пламени красных стягов через ленинградскую площадь шагает

Ленин!

— Поэма «На ленинградской площади» — это только начало поэтического осмысления, переплава впечатлений от встречи с Советским Союзом, — замечает Малла. В этот момент мы уже сидим в дощатой «ренетичионной», где нам должны показать несколько отрывков из нового балета.

Идея создать первый в нашей стране танцевальный спектакль пришла мне тоже в Ленинграде. Уже тогда я примерял «кружева» ленинградской хореографии на непальские костюмы, — шутит Малла. И продолжает:

У нашего народа — богатейшее танцевальное наследие, уходящее корнями в религиозные обряды. Барельефы храмов Катманду, словно бесценный учебник хореографии, хранят сотни «мудр» — древних танцевальных поз и их бесчисленными нюансами в жестях, взглядах, в положении пальцев рук. Прибавьте сюда красочные ритуальные костюмы Непала — и в ваших руках окажется идеальный материал для творчества.

Пятиактный балет, который я создаю в содружестве с композитором Гопалом Натхом, хореографом Канча Будой и режиссером Малла Прачандом, занимает свой сюжет из традиционной непальской мифологии. «Анджима» — так мы называли нашу работу. По преданию, божество Анджима охраняет долину Кат-

манду от нашествий демонов. В центре же балета — образ богини Кумари да, той самой, которую зритель может увидеть после спектакля наяву в соседнем храме.

Но если «настоящая» Кумари редко переступает порог 13—14 лет, то наша героиня несколько старше. Жизнь сложнее легенды, и моральные проблемы спектакля нельзя втиснуть в узкий мир маленькой затворницы.

В «Анджине» впервые отброшен такой непеременимый элемент национального непальского танца, как маски: «Долой застывшие в гримасах пестрые ляки! В нашем балете под образом божества всегда будет угадываться человек, как и в Кумари всегда можно узнать девочку из касты ювелиров».

Вопреки традиции мужчины-актеры не смогут претендовать на женские роли. Их будут исполнять танцовщицы. Надеюсь, придет время, когда мы назовем их балеринами.

Малла — не только автор либретто, ему принадлежит много интересных находок в хореографии и музыкальном решении спектакля.

Мы должны вначале понять, где мы находимся на пути исторического прогресса, соотнося сегодняшний день с затынутым паутиной религии прошлым. Об этом рассказывает «Анджима». Затем молодое непальское искусство — я говорю не только о балете — пойдет на штурм «нарам-пара» — косных традиций, бессмысленных канонных, мешающих развитию национальной культуры. Об этом наши будущие спектакли.

Звучит увертюра, и беседа прерывается. Нам показывают отрывки из второго акта «Анджимы» — сцену встречи богини Кумари с ее возлюбленным из вражеского клана демонов. Яркие, интересные решенные костюмы. Выразительный танец, в котором чувствуется уверенная рука хореографа. Я наклоняюсь к режиссеру Малла Прачанду и прошу его назвать имена исполнителей.

Их зовут Нарайн Деви и Лида Раджу. Очень способные... — внезапно отвечает он на хорошем, как-то даже «московском» русском

языке и с удовольствием изучает мое вытянувшееся от удивления лицо.

Удивляться, собственно, почему. Да, здесь, на высоте четырех тысяч футов над уровнем моря, в обнесенной частоколом гималайских вершин долине Катманду живет и работает выпускник нашего ГИТИСа, что на Арбате, — непалец Малла Прачанд.

Не забыть Москвы, студенческих дебютов, блистательных лекций Юрия Завалского... — погружается в воспоминания Прачанд. — Не забыть занятий с нашими педагогами. Особенно я благодарен Сергею Александровичу Бенкендорфу — человеку, который вложил каждого из нас кусочек собственного сердца, покорила своим даром режиссерской изобретательности. Сейчас, когда мне предстоит что-либо объяснить актерам, я часто думаю: а как сделал бы это Сергей Александрович? Если будете писать для

газеты, передайте ему горячий привет. От Прачанда, с любовью — из Катманду.

...После ренетичион я попросил актеров выйти на освещенную косым вечерним солнцем площадку перед стройкой, чтобы сделать несколько снимков. Снова загрохотал большой «кххи», сидевший в танце герон балета. А когда последний шелчок затвора повис в наступившей тишине, откуда-то сверху обрушилась лавина аплодисментов, свистков, восторженных возгласов.

Я оглянулся. Гигантским амфитеатром уходили вверх леса академии. Гроздь людей украшали их. Они приветствовали дебют «живой богини», спустившейся наконец на землю.

Вл. СИМОНОВ,
собр. корр. АПН — для
«Советской культуры».

КАТМАНДУ.

Танец исполняют Нарайн Деви и Лида Раджу.

3 0 ИЮН 1970

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»